

ܕܘܚܪܝܝܢ ܕܢܫܘܬܐ
 ܕܗܘܪܝܢ ܕܗܘܪܝܢ ܕܗܘܪܝܢ
 ܕܗܘܪܝܢ ܕܗܘܪܝܢ ܕܗܘܪܝܢ
 ܕܗܘܪܝܢ ܕܗܘܪܝܢ ܕܗܘܪܝܢ
 ܕܗܘܪܝܢ ܕܗܘܪܝܢ ܕܗܘܪܝܢ

НЕСТОРИЙ

КНИГА ГЕРАКЛИДА ДАМАССКОГО

(избранное)

1. Одни говорят, что вочеловечение Господа нашего Христа было [лишь] представимым и кажущимся (‘эскē mā < σχῆμα), ибо Он явился людям, учил их и преподал всем им благодать Евангелия. И подобно тому, как Он являлся каждому из святых, так же в последние времена явился всем людям.

2. Другие же говорят, что существо (‘ūcīyā < οὐσία) божественное стало плотью так, что в своём собственном существе существо плоти стало вместо природы человечества, так действовало, пострадало и освободило нашу природу, ибо не став человеком в его существе, но [лишь] по видимости (б-‘эскē mā), [Он] не избавил бы нас, но обмануты мы, если явился Он [лишь] по видимости и страдал за нас, не страдая.

3. Другие ещё исповедуют, что Бог воплотился во плоти как усовершение природы, заместив душу. Он воплотился природно во плоти, чтобы действовать и страдать, и Он претерпел природно все природные страдания тела. По природе Он был бесстрастным, а по воплощению природному — страстным, подобно тому, как душа, которая по своей природе не страдает страданиями тела, не испытывает ни боли, ни голода, но природно страдает, однако, по устройству природному, так как она природно едина с [телом], [так и Он] — чтобы действовать и страдать ради нас природно. И не кажущимся образом, и не по видимости или по другой природе, но по Своей собственной Он избавил нас от смерти и тления.

4. Другие же исповедуют, что Он воплотился в теле и в душе, ради совершенства природы, и заменил [Собою] разум. Бог Слово, заменив Собою разум, был [таким образом] в теле и душе, и в природе человеческой действовал и страдал ради нас. Пришёл же Он, чтобы разрушить этот разум, который преступил повеление и не повиновался Богу, и чтобы заменить разум в душе и теле, и [быть] не [лишь] видимым (б-'эскēмā) без ипостаси и не в иной природе и не в теле без души.

5. Другие же [говорят], что во плоти воплотился Бог Слово, во плоти одушевлённой [душой] бесчувственной по своей природе, и не имел Он разумения от души, но разумел и чувствовал действием Бога Слова. Действием Бога Слова эта душа чувствовала и разумела, тело же было орудием природным. Они не делят Христа на орудие и деятеля, так как орудие и деятель действовали вместе.

6. Другие исповедуют, что во Христе две природы прежде единения, и что каждую из природ следует рассматривать в её природе: [природа] Бога Слова — то, что в Отце и Святом Духе, а людей — во плоти. После же единения не следует рассматривать две природы, ибо они соединились по существу, и стала одна из двух. Они изменяют одну природу в другую, так что в действительности человек становится то же самое, что Бог, и так же Бог действовал как человек, был подвержен смерти как Бог и воскрес собственной силой.

7. Иные же о вочеловечении Господа нашего говорят, [что оно совершилось] во плоти, одушевлённой душой словесной и разумной, совершенной в своей природе, способностях и естественных действиях, не по видимости, и не изменением существа, и не заменением тела или души или разума, и без смешения двух природ в одну, и без одной в другую изменения, и не усовершенением природных действий так, что плоть не действует [более] в собственной природе. Но [совершилось это вочеловечение] в одном лице (парсōпā < прōсωпов) двух природ, сохраняющих каждая свои свойства. И остаётся существо божества бесстрастным, когда оно — в существе плоти, и также плоть остаётся в существе плоти, когда она — в природе и в лице божества. Тело же одно, и два [существа] — один Сын. И не иной есть именуемый Богом Словом во плоти, отдельно от Того, Кто во плоти нашей, и также не [отдельно] плоть, но в Сыне, в Боге Слове. Чтобы действовать совершенно в природе человеческой, ибо Он есть человек, и воскреснуть как Бог, ибо Он есть по природе Бог. И Тот, Кто есть без греха, соблюдши [должное], предан был смерти нашего ради спасения, чтобы сохранить отображение образа (дмūtā д-салмā) Своего.

И не по отношению к сему изображению принял Он имя, которое превыше всякого имени [Фил 2:9], тем восхваляя природу человеческую. Поскольку по существу сие есть не человека, но Бога Слова, не дал Он сему чести и возношения. Наша природа иной природой почтена, не природой

нашей. Превознесение же природы нашей *до имени, которое превышает всякого имени* совершилось в общности природы Того, Кто есть Превознесенность, пребывающая в Своем собственном существе, и обретшего возможность стать тем, что есть в существе Бога Слова. Таково подлинное превознесение, и нет иного. Изменение же существа в [другое] существо есть разрушение того существа, которое достойно превознесения, и самого превознесения. И не было бы схождения Бога Слова, когда бы изменился Он в существо плоти, и природа Его была бы не сошедшей, но униженной.

Подобно сему, о царе, если он становится одним из рабов, говорится, что он уничтожил себя, хотя он — воистину царь. По причине же одежд рабских, надетых им, говорится, что он уничтожил себя, когда он вместо собственных [другие] внешним образом использовал. И как они принадлежали тем, кто под законом, [в подчинении у] начальствующих, так и он по воле своей стал под законом, хотя он — царь начальствующих и господин их. Если бы ему воздавали честь по отношению к его подлинной природе, это не было бы превознесением. [Превознесение] — это если ему воздают то, чего он не имел, а не отнимают того, что имел.

Если и превознесение, и уничтожение принадлежат тому, кто был [некогда] и [ещё] был раньше, уничтожение относится к той природе, которая была [некогда] и [ещё] была раньше. Чьё же тогда превознесение? Сначала говорится о существе, которое превозносится, а затем — об этом *имени, до которого оно превозносится, которое превышает всякого имени*. Если ты уберёшь существа, по отношению к которым совершаются уничтожение и восхваление, не будет и того существа, которое уничтожается.

Потому, тем, что *он себя уничтожил*, указывается на вольное единство, вочеловечение и характер уничтожения, который показывается тем, что он принял зрак раба. И еще [указывается] на то, что [единение] было вольным, а не природным: *образом он стал как человек*, а не существом, ибо образ Божий был образом раба. Образ Божий являлся как человек. Бог же был в Своем собственном существе, так, что то, что считалось уничтожением, было через принятие образа раба, а превознесением — [превознесение] образа раба до восприятия *имени, которое превышает всякого имени*.

И не было ни изменения существа, ни в [одно] существо или в природное соединения в одну природу двух, но [единство] есть вольное в уничтожении и превознесении. Природное же [единство] подвержено страданию и изменению; такова природа сотворенная и созданная, а не нетварная и несозданная, неизменная, непреложная.

Вот почему сей [Кирилл] в вочеловечении не относит ничего к действиями человеческим, но [всё] — к Богу Слову, так, что Он использовал природу человечества для Своего собственного действия. Так Арий и Евномий и Аполлинарий лишь на словах исповедуют Христа Богом, на деле

же лишают Его божества¹ тем, что приписывают человеческое по природе существу [божества], и ни во что ставят родословие Христово и обетования, данные отцам — что от семени их произойдёт Христос по плоти.

Потому евангелисты и упоминают обо всем, что воистину показывает природу человека, опасаясь, что как бы, [говоря] о божестве, не отказались бы верить, что Он также человек и Тот, о Ком возвещали обетования. Потому и Благодатная Мария упоминается как обручённая мужу, чье имя, происхождение, род занятий и место проживания указаны, дабы ничто не могло поколебать уверенности в том, что она была воистину человеком (*'антмā*). Для того же [говорится] о его смирении и, вместе со всем тем, о благовещении [ей] зачатия, рождении и яслях, чтобы возвестить о Том, Кто родился от неё и о той, которая Его родила, чтобы засвидетельствовать, что Он воистину человек. [Говорится о] положении Его в ясли, пеленании, обычном для младенцев, дарах, поднесённых Ему, Его возрастании, преуспевании в возрасте и премудрости у Бога и у людей [Лк 2:52], Его жизни в мире, соблюдении Им [обычаев], послушании, молитвах, которые Он совершал, всяческом исполнении Закона, крещении, словах, возвестивших Ему [Мф 3:17], что Он есть Сын, Тот, Кто есть Сын от чрева матери по единству. Свидетельствуется о совершении Им надлежащего, голосе Отца, явлении Духа Святого, Его домостроительстве, [совершаемом] ради нас со всяким тщанием, не призрачно и не по видимости [лишь] человеком, но в природе человека, [состоящей] из тела человека и разумной души, мыслящей и разумной по природе человеческой. Так что Он имел всё, что в природе человека, неотделимо от единства с Богом Словом.

И сие единство природ не было в [одной] природе и не [привело] к смешению, или изменению, или пременению существа: божества в человечество или человечества в божество, или к смешению природ, или составлению одной природы, когда бы природы, так соединённые, смешались бы и претерпевали страдания вместе по действию природному. Всё разрушается единством природным или ипостасным. Берётся всё, что присуще Ему по [одной] природе, [человеческой], и приписывается по природе [же] Богу Слову: страх человеческий, предательство, допрос, бичевания, осуждение на крест, [крестный] путь, возложение креста на плечи, несение креста, забирание креста [с обессилевшего], чтобы возложить его на другого [Мф 27:32], возложение тернового венца, облачение в багряницу,

¹ В триадологии Аполлинарий не был арианом, но, напротив, выражал свою солидарность Афанасию Александрийскому в его полемике с арианством. В христологии же он продолжал следовать арианской схеме, в соответствии с которой человечество Христа исповедовалось неполноценным, лишённым души (у ариан) или духа/разума (у Аполлинария). Вместе с тем, он утверждал, что Христа следует считать неким «смешением» (*μῆξις*) Бога и человека: «Во Христе, — писал он, — среднее (слагающееся) из Бога и человека не есть ни человек всецелый, ни Бог, но смешение Бога и человека» (цит. по: Спасский, ук. соч., С. 463). Последнее, очевидно, имеет в виду Несторий.

помещение [на] крест, распятие, пронзение гвоздями, напоение желчью и другие мучения, предание духа Отцу, склонение главы, снятие тела с креста, его умащение, его погребение, воскресение на третий день, Его явление в Своем теле, Его слова и заверения, чтобы не подумали, что это призрак тела [Его], но [удостоверились, что] это подлинное тело из плоти. Ибо не был Он призрачным или обманчивым телом и душой, но воистину всё сие было по природе, не было ничего неявного.

Всё человеческое, что теперь стыдятся о Нем говорить, евангелисты говорить не стыдились. Эти же то бесстыдно приписывают природе божественной посредством единства в ипостаси природной (*δ-βα-κνῶμα κῆανῆῃ*), когда [получается, что] Бог страдал страданиями тела, по природе природно соединённый, претерпевая жажду, голод, нищету и тревоги, помышляя и ища, таким образом, преодоления того человеческого, от чего Он природно страдал, и обращаясь против природы человеческой. Тем они разрушают нашу славу и наше спасение и уничтожают свойства Бога Слова, делая их человеческими, ибо Он действовал бы природно по природе и страдал бы чувственностью природной, претерпевая страдания в единстве Своем природно, как тело от души, и душа от тела.

Опасно и ужасно сметь думать и проповедовать то представление о Сыне, которое у них; что Он — создание и тварь, что Он изменился из бесстрастного в подверженного страданиям, из бессмертного в смертного, из неизменного в изменяемого. Даже если бы кто и ангельское бесстрастное существо Ему приписал, сказав при этом, что Он [всё] совершал не по природе, действию или силе, но по Своему новому состоянию, разве избежал бы Он при этом претерпевания страданий? Невозможно, чтобы соединившийся природно их избежал, потому как, если бы Он не претерпевал природно страданий тела, Он претерпевал бы их душевно, вместо души, ибо Он заменил бы [Собой] душу, которая не была бы разумной по мере разума, так как Он заменил бы [Собой] и разум. Он был бы [лишь] по видимости и обманчиво, [лишь] с виду человеком, как будто у Него были свойства тела, души и разума, прекратившие [в действительности] свое действие, соответствующее своей природе.

Есть среди считающихся православными такие, которые говорят, что у Него [та же] природа, [что у] Отца — бесстрастная, непринуждённая, непреложная и неизменная, но затем, подобно тому, как иудеи, надсмехаясь, называли [Иисуса] Христом, пригвоздив Его ко кресту [Мк 15:32], так же и эти, на словах утверждая, что Его природа непреложна, бесстрастна и непринуждённа, приписывают ей все страдания и немощи тела и относят всё, что касается души и разума, к Богу Слову через ипостасное единство. Равно и те, кто, [говоря] о природе Его, меняют Его, то называя Его бесстрастным, бессмертным и непреложным, то возбраняя называть Его бессмертным, бесстрастным и непреложным, ибо возмущаются против того,

кто часто говорит, что Бог Слово бесстрастен. Ты слышал это однажды, довольно с тебя.

Они говорят: есть две совершенные природы, божества и человечества, и [при этом] провозглашают изменение природ посредством [их] единства, не относя ничего ни к человечеству, ни к божеству, но то, что человечества, переносят на [одну] природу, и то, что божества — на [ту же] природу. И даже не сохраняют того, что принадлежит божеству по природе, ибо они создают Богу Слово природу, [состоящую] из двух существ (*'ūcūyās*), скрывая человека и всё, что относится к нему, хотя именно в нём совершилось вочеловечение, и сим мы избавлены от пленённости смертью.

По имени они православные, на деле же — ариане. И повреждают они совершенство Бога Слова, приписывая Ему по природе всё человеческое в единстве природной ипостаси, так, что Он действовал и страдал от всего человеческого природно. Он использовал человечество не для того, чтобы подвергнуть его страданиям ради нас, но чтобы Бог Слово производил [всё], не личным образом пользуясь [человечеством], но природным. Единство в лице — бесстрастно, таково [исповедание] православных. Подверженное же страданиям [единство] — это измышление еретиков против природы Единородного. Каждый сделает выбор, но неизбежно придут к исповеданию православных, а не к хуле еретиков. Он [Кирилл] в [своих] главах написал, не стыдясь, всё, что ему было угодно по поводу ипостасного единства, и [ещё] много писал об этом. Не следует и нам делать нашу книгу нескончаемой, занимаясь вещами очевидными, но лучше постепенно показать всем распространение такового нечестия. Его я предвидел. Я не отступил от правды православных и не отступлю вплоть до смерти, хотя по неведению все ополчились против меня, даже православные, и не желают ни слушать меня, ни знать что-либо от меня. Придёт время, когда они узнают от самих еретиков, сражаясь с теми, как они ополчились против того, кто сражался за них...

Скажи теперь [что́ есть] «ипостасное единство». Хочешь ли ты, чтобы ипостась понималась как лицо, как мы говорим: одно существо божества и три ипостаси, под ипостасями понимая лица? Значит, ты личное единство называешь ипостасным. Но ведь не из лиц единство, а из природ. «Различные суть природы, — [говоришь ты], — из которых истинное единство. Христос же один из двух [природ]». Понимаешь ли ты под этим одно лицо Христа (или ипостась существа и природы как «образ ипостаси Его» [Евр 1:3]), а под ипостасным единством — единство природ? Но ведь об этом я и говорил. И я хвалю тебя за то, что ты говоришь и [что] делаешь различие [пūршānā] природ, согласно божеству и человечеству, и соединение их в одном лице. Не говоришь ли ты: «различия [суть] без смешения» и «[единство] остаётся без такого различия, которое бы его разрывало»? »

Если же ты не даёшь [места] различию, различию этих природ, то ты, сам того не ведая, вносишь разделение природное. Различение же не нарушает единства, ибо соединившиеся пребывают без смешения, подобно тому, как [неопалимая] купина в огне, и огонь — в купине [Исх 3:2-4]. Но, по видимому, ты не так говоришь, поскольку вменяешь мне в вину неприятие ипостасного единства. Другого же ипостасного единства, [образованного] из разных природ я не приемлю, равно как и ничего другого, касающегося единства природ с их свойствами, кроме как [их единства] в одном лице [παρσῶν], которым и в котором познаются две природы, а всё принадлежащее им относится к лицу.

То, что тело было храмом божества Бога Слова, и то, что [сей] храм соединен был с божеством высшим превосходным соединением так, что посредством этого союза соделалось его [собственным] то, что принадлежит природе божества — прекрасно есть исповедовать и соответственно есть Преданию евангельскому, но не так, что оно по существу своему соделалось им.

Что же это тогда за другое ипостасное единство, которому ты хочешь меня научить, состоявшееся «в превосходном, божественном и неизреченном единстве»? Я не знаю [ничего], кроме [единства] в одном лице, в котором это есть Он, и Он — это. Потому я во всяком месте настойчиво возглашаю, что не к природе, но к лицу следует относить всё, что говорится о божестве или о человечестве, чтобы не в существе соединение двух [исповедовалось], делая [всё] человеческое иллюзией (*φαντασίῳ* < φαντασία). Не относят к нему всё то, что говорится о существе, но всё то, что познаётся в лице. И познаётся Бог Слово, о Котором говорится, что Он во плоти и стал Сыном Человеческим, посредством образа и лица, которое Он во плоти и в человечестве Своем использовал, чтобы дать Себя познать миру. То же, что по природе говорится о плоти, не может быть сказанным по природе о Слове, как, [например], что было [нёкогда], когда её не было, или что она произошла из небытия², или всё, что может быть сказано о плоти по отношению к тому [времени], когда её не было, или к тому [времени], когда её не стало, об изменениях в процессе становления или исчезновения, кратко же, [о том, в чём Он] единосущен с нами, ибо Он единосущен с нами во всём. То, что говорится о каком-то существе, не говорится о некоем ином, но только об этом существе и именуется ему сущим. О лице же или образе природы говорится то, что познаётся в нём, так как лицо являет существо. То же, что по природе, не говорится, так как единство [совершилось] не в существе или в природе, но в лице.

Так же и плоть. Не следует о ней говорить того, что относится к Богу Слову по природе. Она не безначальна, не нетварна, не бестелесна, не

² Несторий воспроизводит арианские формулировки.

невидима, не единосущна Отцу и Святому Духу. Хотя Тот, Кто именуется Сыном и Господом и Богом, именуется также плотью, тем же образом — по единству. Ибо единство есть в лице Сына Божия, и не в существе, и не в природе, но из природ. И не в природе, но в лице Его всё то, что касается лица. Кроме [самого] существа, [являемого] лицом.

Каково же это другое ипостасное единство, о котором ты говоришь, что я не приемлю его? Или, как ты говоришь, «непонятное и нелепое», по причине [отрицания] которого я «впадаю в исповедание двух христов: одного — человека, почтённого званием Сына, отдельно же — Слово Божие, действительно обладающее именем и реальностью Сыновства по природе»³. Тот, кто говорит, что в единстве — один Сын, один Христос, один Господь, как может он разделять и говорить, что отдельно есть Сын Божий и некий другой, и так — два сына? Это не называлось бы единством, но каждая из природ [лишь была бы] в своем существе. Не говорим, что Бог Слово стал плотью в Своем существе, но в единстве с плотью. Так же и плоть не именуется сыном вне единства с Сыном Божиим. Потому одна плоть в [союзе] двух, и один Сын в [союзе] двух. Тот же, Кто есть и именуется в единстве, не есть и не может именоваться в различении и разделении взаимном. Так Бог Слово в Своей природе — бестелесный Бог, в единстве же с плотью именуется плотью. Так же и плоть: в своей природе есть тело и по существу — тело, в единстве же с Богом Словом Сыном Божиим — Бог и Сын. Не говорим, что есть две плоти или два сына. Они различны по природе и суть в единстве природ.

Среди людей многие называются сыновьями при различении и разделении природном. Только по благоволению или по благорасположению может это [имя сына] быть дано каждому из них, подобно тому, как каждому из начальствующих передается честь царя. Тем, кто есть [некто] лишь по ипостаси своей, могут быть также многие по благоволению. [Он] же, будучи в ипостаси Своей, отображение образа Своего соделал не повелением, и не честью, и не просто равенством благодати, но Своего природного образа соделал отображение, так, что не иной есть [некто], но в Свое лицо воспринял, и сие Им стало, и Он — сим, один и Тот же Самый в двух существах. Лицо образовалось во плоти и образовало плоть по образу Сыновства Его, [ставшего] в двух природах. Одна плоть в двух природах, сие — Им, и Он сим изображаемый; один и тот же есть образ лица.

Не знаю теперь в каком смысле ты говоришь об «ипостасном единстве» как о ставшем «непонятным» или «нелепым», которое я то ли отвергаю, то ли не отвергаю. И в этой связи [тобой] определяется и говорится, что «человек отдельно по званию и чести Сын, и также отдельно Слово, Которое от Бога, действительно обладающее именем и реальностью Сыновства по природе»⁴. Вот это «отдельно» как это ты говоришь? Скажи ясно из-

³ Несторий воспроизводит слова 2-го послания к нему Кирилла.

⁴ Несторий воспроизводит слова 2-го послания к нему Кирилла.

ложение веры отцов и изложи то, что следует говорить и мне, и каждому. Непонятно ведь, как, [по-твоему], нам следует думать и говорить. Как это ты говоришь, что природу человека нельзя воспринимать отдельно, особенно же от существа Бога Слова, Который есть Сын не по [собственной] природе, но по единству [природ в одной]? Ведь ты также говоришь о различиях в природах, которые составляют в единстве одного Сына. Но отличие природ не уничтожается единством природ. Не так ведь, что то, что касается отличия природ, уничтожается через соединение. Если же не устраняются различия природ, тогда природа плоти есть только природа человечества. Тот же, Кто есть Сын, единосущный Отцу и Святому Духу, есть только и единственно [природы] божества. В единстве же плоть есть Сын, и Бог Слово есть плоть. Поэтому говорящий так, не говорит, [что есть] два сына, и не говорит, [что есть] две плоти, и не говорит, [что есть] две плоти в природе, и также не [говорит], что в одной — плоть, а в другой — Сыновство. Взаимно используются естественные облики (*parcōnā kīanāyē*) так, как той и другой [природе] свойственно. Подобно тому, как огонь был в купине, и купина — огнём, и огонь — купиной [Исх 3:2-4], и каждый из них — [одновременно] и купина и огонь. И не две купины, и не два огня, ибо в огне оба, и в купине оба, не в разделении, но в единстве. У двух природ два естественных облика. Не говорится, что природы разделены, когда они сохраняют различия, которые не уничтожаются. Или же скажи, что сохраняются отличия природ, и с различиями природ помести их в нераздельное единство так, чтобы то, что касается различий природ, не уничтожилось единством...

Если же теперь ты воспринимаешь их единённо и не в природе, но с различиями одной от другой, в чём виновен я, исповедующий нераздельное единство двух природ в одном лице?

Перевод с сирийского **Николая Селезнёва**

© Н.Н. Селезнев, перевод, 2006